

Начать стоит с того, как происходит отбор ректоров. До недавнего времени в большинстве стран ректоров либо избирала профессура (а иногда и другие сотрудники вузов), либо назначало правительство. Но в последние годы этот процесс начал меняться, так что сейчас назначением ректора нередко занимаются специальные советы, которые могут в большей или меньшей степени зависеть от правительства и включают в себя представителей различных заинтересованных сторон. Еще один способ — это когда ректора избирают члены правления, которое обычно состоит из представителей университета и других, неакадемических работников, назначенных правительством. Уровень реальной автономности правления может существенно варьироваться.

В целом, когда мнение представителей университета имеет перевес, они ищут людей из академической среды и, как показывают имеющиеся данные, отдают предпочтение ученым из той же страны, в которой расположен вуз. Так что, похоже, есть пророки в своем отечестве.

А в случаях, когда академические сотрудники составляют меньшинство среди людей, принимающих решения, у кандидатов иностранного происхождения больше шансов быть избранными (хотя и они чаще всего оказываются представителями научной среды). Это связано с тем, что внешние члены совета или правления обычно имеют опыт работы за пределами академической среды, например в бизнесе или финансах, где глобализация уже давно стала неотъемлемой частью реальности. Для таких людей, чья повседневная жизнь основана на общении с людьми со всего мира и во всех часовых поясах, кандидаты, имеющие международный опыт (включая образование или успешную академическую работу за рубежом), не представляются чем-то из ряда вон выходящим.

По мере того как правительства дают университетам большую автономность и роль людей из неакадемического мира растет (например, они участвуют в управлении университетами через «гражданские» советы), можно предположить, что шансы иностранных кандидатов на ректорские должности будут расти. Так что зарождающийся тренд, который мы сейчас наблюдаем, скорее всего, продолжит набирать обороты.

Второй фактор, способствующий найму иностранных ректоров, — развитие международного высшего образования в целом. По оценкам, ежегодно 3,7–5 млн студентов обучаются за пределами родной страны. Из года в год этот показатель увеличивается в среднем на 10–12%. Данные о международном обмене преподавателями на 2014/15 и 2015/16 учебные годы свидетельствуют о более чем 7-процентном росте. До этого на протяжении нескольких лет количество преподавателей, временно выезжавших на работу за границу, стабильно росло, за исключением одного года. Более 300 университетов имеют зарубежные филиалы.

Третье предположение основывается на понимании того, какие именно люди решаются бросить родную страну, семью, друзей и переехать в другую страну, в другую культурную и языковую среду ради получения образования. Такие люди нередко обладают энергией и честолюбием, необходимыми для того, чтобы преуспеть в новой среде, в частности в университете, и затем — в некоторых случаях — стать преподавателем, заведующим кафедрой, деканом, проректором или даже ректором.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.92.10211>

Международные филиалы вузов: могут ли они быть исследовательскими университетами?

Агустин Сутрисно

Агустин Сутрисно — преподаватель Индонезийского католического университета Атма Джайя в Джакарте и приглашенный по Программе Фулбрайта преподаватель Центра по изучению международного высшего образования, Бостон, США. E-mail: agustian.sutrisno@gmail.com.

Многие международные филиалы вузов (МФВ), например Университет Монаша в Малайзии или Нью-Йоркский университет в Абу-Даби, — это дочерние организации исследовательских университетов. Партнерские соглашения для создания новых вузов тоже обычно заключаются между исследовательскими университетами. Пример МФВ, «родители» которого являются исследовательскими университетами, — Сиань-Цзяотун–Ливерпульский университет в Сучжоу. При этом созданные МФВ обычно не являются исследовательскими университетами. Считается, что их основная задача — образование и что у них нет нужных для глубокой исследовательской работы ресурсов.

Факторы, которые препятствуют развитию науки в МФВ

Развитие науки в МФВ сдерживает сразу множество факторов. Во-первых, МФВ обычно создаются ради зарабатывания денег. Больше всего МФВ открывают университеты Великобритании и Австралии, которые на протяжении многих лет находятся в условиях сокращения государственного финансирования

и которым пришлось стать более предприимчивыми, чтобы обеспечить дополнительные источники финансирования. Из-за этого в развивающихся странах Азии и Ближнего Востока и начали появляться МФВ, в которых исследования не являются приоритетным направлением работы.

Местные власти не всегда поддерживают МФВ, так как видят в них инородные организации. Власти принимающих стран вообще разрешают создание МФВ в основном ради удовлетворения высокого спроса на высшее образование бакалаврского уровня. Магистерские программы, предлагаемые МФВ, обычно нацелены на повышение профессиональной квалификации, а не на оттачивание исследовательских навыков.

Если говорить о преподавателях МФВ, то среди них много сотрудников западных университетов, работающих в филиалах наездами: они приезжают на небольшой срок и читают интенсивные курсы, так что возможностей заниматься наукой у них не остается. Если же они и находят время на исследовательскую деятельность во время пребывания в филиале, то она, как правило, ограничивается краткосрочным сбором данных. А их публикации идут в зачет головному университету.

По мере роста количества МФВ в мире некоторые из них становятся серьезными игроками местного образовательного рынка. Так нередко происходит, например, в Малайзии. Логично предположить, что такие вузы заинтересованы в науке и начнут нарабатывать исследовательский потенциал. Они станут чаще нанимать преподавателей на долгий срок и реже пользоваться услугами преподавателей головных университетов, которые могут работать лишь наездами. Новые сотрудники будут иметь больше возможностей для научной работы. Некоторые МФВ имеют право на получение распределяемых властями принимающей страны научных грантов. Недавно правительства Китая и Малайзии — двух государств, в которых расположены больше всего МФВ, — объявили о желании в большей мере переориентировать действующие в этих странах МФВ на науку. Но несмотря на все это встает вопрос: смогут ли МФВ в конечном итоге стать исследовательскими университетами?

Модель тройной спирали Генри Ицковица объясняет, как работают предпринимательские исследовательские университеты. Эта модель основана на гармонии трех ключевых элементов, к которым относятся: правительственная поддержка, наличие высококвалифицированных исследователей и предприятий-партнеров. Если применить эту модель при анализе МФВ, можно сделать вывод, что основной проблемой превращения их в исследовательские университеты являются слабые связи с предприятиями. Конечно, эта проблема характерна не только для МФВ — с ней сталкиваются и элитные национальные университеты развивающихся стран. Создание МФВ в технопарках или особых экономических зонах тоже не гарантирует

установления тесных связей с индустрией, несмотря на географическую близость. В особых зонах часто работают представительства транснациональных корпораций, научно-технические подразделения которых могут быть расположены на другом конце света. У них нет потребности в проведении фундаментальных исследований непосредственно на месте. Таким образом, хотя правительства отдельных стран могут привлечь к себе исследовательские университеты и содействовать созданию МФВ посредством щедрой финансовой поддержки, как это делают богатые государства Персидского залива, одного финансирования недостаточно для стимулирования связей между университетами и промышленностью, а это ключевой фактор успешной деятельности исследовательских университетов во многих развитых странах.

Власти принимающих стран разрешают создание МФВ в основном ради удовлетворения высокого спроса на высшее образование бакалаврского уровня.

Возможные сценарии

Верно ли с учетом описанных выше трудностей будет предположение о том, что МФВ в принципе не может стать исследовательским университетом? Возможно, пока слишком рано делать выводы о том, что МФВ в итоге останутся преимущественно образовательными учреждениями. Существует три возможных сценария, которые влияют на будущее МФВ. Во-первых, политика принимающей стороны в отношении МФВ все время меняется в соответствии с национальными интересами. Правительства все чаще осознают, что ограничение деятельности МФВ преподавательской функцией противоречит интересам их стран по проведению индустриализации и переходу к информационной экономике. Власти могут потребовать от МФВ больше заниматься исследованиями ради удовлетворения экономических и промышленных потребностей принимающей страны. Получение заказа на исследовательскую работу вовсе не делает МФВ исследовательским вузом, но настойчивые МФВ воспользуются этой возможностью, чтобы обеспечить свое дальнейшее присутствие. В противном случае может получиться так, что им придется законсервировать инфраструктурные инвестиции в принимающей стране и понести репутационные издержки.

Во-вторых, спрос со стороны предприятий (местных и международных) на прикладные исследования и обеспечение им соответствующих возможностей могут ускорить трансформацию МФВ. Некоторые китайские предприятия уже становятся компаниями глобального уровня и специально выделяют средства на научно-исследовательские разработки. Наличие МФВ, которые специализируются на исследованиях и обмене технологиями, свидетельствует о перспективности партнерских отношений между университетами и индустрией, которые становятся возможными благодаря действиям местных высокотехнологичных компаний и предпринимательской инфраструктуре. К таким вузам относятся Гуандонский филиал Израильского технологического института «Технион» и Совместный университет Московского государственного университета и Пекинского политехнического института в Шэньчжэне (МГУ–ППИ). МФВ могут одновременно привлекать исследовательский потенциал головных университетов и использовать потребности местной промышленности в научно-техническом обмене для усиления исследовательской работы в принимающей стране.

В-третьих, по мере роста спроса на квалифицированных исследователей МФВ начнут расширять спектр предлагаемых ими программ исследовательской магистратуры и станут уделять больше внимания научной работе. Такие страны, как Малайзия и Китай, где в настоящее время наблюдается массовизация высшего образования, могут в скором времени вступить в такой период, когда вырастет спрос конкретно на высокообразованных людей, обладающих исследовательскими навыками. Из-за массовизации их национальные университеты поднаторели в обучении, но пока недостаточно хорошо подготовлены для реализации образовательных программ с исследовательским компонентом. Учитывая желания местных властей выстроить экономику знаний, можно предположить, что абитуриенты, которые хотят стать исследователями, чаще будут выбирать МФВ. Хотя, конечно, чтобы изучить, как три этих сценария осуществляются на практике, нужны дальнейшие эмпирические исследования.

МФВ, расположенные в развивающихся странах, наверняка ждут перемены, но они вряд ли в ближайшем будущем станут исследовательскими университетами, если вообще когда-либо станут. Тем не менее существуют определенные ниши прикладных исследований, которые МФВ смогут заполнить в достаточной мере для того, чтобы в принимающей стране их начали рассматривать в качестве исследовательских университетов. При этом наращивание исследовательского потенциала МФВ будет происходить не так, как это происходило с их головными университетами.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2018.92.10212>

Интернационализация университетов: путь Германии

Марейке Валерс

Марейке Валерс — глава международного отдела Конференции ректоров Германии. E-mail: wahlers@hrk.de.

В основе концепции интернационализации немецких университетов, которая по окончании 1980-х годов снова обрела силу, исторически лежали идеи сотрудничества и партнерства. Это связано с послевоенными представлениями о том, что, лишь прочно закрепившись в Европе и мире, Германия сможет получить международное признание и добиться успехов в экономике. Таким образом, политическое руководство страны традиционно поддерживало программы обмена для студентов и исследователей, которые являлись неотъемлемой частью основанных на равноправии и взаимном доверии международных университетских партнерств. В 1990-х годах появилось множество двусторонних инициатив, например Франко-Германский университет и Китайско-Германский колледж последипломного образования, в которых воплотилась идея основанного на доверии сотрудничества с целью продвижения культурного обмена и улучшения понимания между людьми. Впоследствии этот подход к интернационализации получил жизненно важный стимул к дальнейшему развитию со стороны образовательных программ Европейского союза, одним из требований которого является полноценное внедрение студенческой мобильности в систему обучения.

В последние годы в связи с ростом конкуренции в немецкой системе высшего образования и последствиями глобализации начал складываться новый, более конкурентный подход. Интересно, что ключевую роль в этом процессе снова сыграла Европа, в частности тот факт, что в 1998 году министры образования европейских стран заявили о создании конкурентоспособного и привлекательного в международном масштабе европейского пространства высшего образования, которое должно было перетянуть на себя существенную долю всемирного, постоянно расширяющегося рынка мобильных студентов и исследователей. Стоит отметить, что немецкие университеты восприняли эту стандартную риторику «гонки за талантами» с некоторым сомнением. В силу ряда причин им была чужда идея самораскручивания. Во-первых, доступность университетов в целом была достаточно высокой, а устоявшаяся вера в гомогенность национальной системы высшего образования с точки зрения качества означала, что у университетов